

Третий возраст капитализма

Ален де Бенуа

В своей недавней книге **Люк Болтянский** и **Ева Шапелло** (1) задались вопросом, каким образом капитализм не перестает мобилизовывать индивидов на достижение одной-единственной цели: накопление капиталов? Занятые идентификацией "верований, которые должны оправдать капиталистический порядок, поддержать и сделать легитимным соответствующий ему способ действий", они приходят к выводу, что в каждую эпоху капитализм содержит в себе разные базовые фигуры, разные способы индивидуального привлечения и разных оправдательный дискурс. Все это позволяет говорить о трех различных периодах.

В первую эпоху классического капитализма (XIX в.) этот строй воплощен в фигуре буржуа, описанной **Вернером Зомбартом**, фигуре предпринимателя и "рыцаря индустрии", характерной чертой которого является вкус к риску и к инновациям. Это капитализм патерналистский и семейный, держущийся на солидарности в рамках класса буржуазии, осуществляющего власть. Элемент привлечения построен на воле к открытию и предпринимательству, дискурс легитимации совпадает с культом прогресса.

Второй капитализм развивается, начиная с тридцатых годов. Это капитализм крупного предприятия и фордистского компромисса, в рамках которого пролетариат отказывается от социальной критики в обмен на гарантии вхождения в средний класс. Рост зарплат стимулирует потребление, смягчающее конфликты. Символической фигурой этого третьего капитализма является генеральный директор предприятия или акционерного общества. Индивидуальное привлечение (соблазн) состоит в развитии предприятия до максимума производительных возможностей. Оправдательный дискурс делает акцент на увеличении покупательной способности, на валоризации компетентности и "заслуг". Этот период, соответствующий перераспределению, осуществляемому Государством-Провидением, кейнсианству и регулярному расширению среднего класса, заканчивается вместе с концом славного тридцатилетия, примерно в середине семидесятых. что совпадает с нефтяным кризисом 1973 г.

Мы уже вошли в "третью стадию капитализма", что соответствует разнузданному капитализму или турбокапитализму, как определил его **Эдвард Лютвак**(2). Его базовой фигурой является шеф проекта (coach) или работник сети (net-worker), ограниченный в своей активности необходимостью работы в структурах с коротким сроком существования. Его ключевыми ценностями являются автономия, мобильность, креативность, выживаемость. Новый капитализм меняет принцип иерархии другими способами управления персоналом. Становится все меньше и меньше "руководителей", все больше и больше "ответственных". Гибкий, коммуникабельный, адаптируемый, внимательный к человеческим ресурсам менеджер заступает место солидному и планирующему свои действия руководителю. Служащий мобилен и в наименьшей степени верен фирме, в которой он работает. В связи с интенсификацией конкуренции фирма все меньше и меньше действует "внутри": она выносит вовне свои службы,

которые характеризуются субподрядным принципом и ненадежностью. предприятие фордистского или тейлоровского типа все более уступает место фирме-сети, феномену, параллельному появлению "коннекционистского" мира постмодерна. Элемент привлечения представлен развитием новых технологий. Оправдательный дискурс состоит в дискурсе "новой экономики", которая поможет человечеству войти в новую эру устойчивого роста.

Основной чертой этого нового капитализма является необыкновенный рост могущества финансовых рынков. Взрывной рост биржевых курсов, начавшийся на Уолл-стрите в 80-е гг., вскоре распространился и на Европу.

Между 1998 и 1999 гг. биржевой индекс ценных бумаг на Парижской бирже вырос на 30%. Если на протяжении прошедшего столетия стоимость ценных бумаг, вращавшихся на бирже, была эквивалентна пятнадцатилетней норме прибыли, то сейчас она эквивалентна тридцатипятилетней.

Результатами являются одержимость создания прибыли для акционера и требования чрезмерной рентабельности для капитала. Нормы доходности для капитала в настоящее время составляют 15%, в то время как рост ВВП составляет не более 4-5%. Параллельно, если ранее прибыльность предприятия оценивалась на основе доходных поступлений в его бюджет, сейчас из-за неуверенности в будущем, этот показатель вычисляется на основе завоеванных им частей рынка. Курс акций, колеблющийся случайным образом, перестал отражать реальную ситуацию в компании или на предприятии; котировка акций фирм уже не совпадает с их реальной стоимостью. Западный биржевой бум порвал отношения между нормами прибыли реальной экономики и нормами прибыли, извлекаемой из ценных бумаг. Экономическая ценность все меньше и меньше соответствует ценности объективной и все более и более – виртуальному богатству, отвечающему неограниченным желаниям индивидов. Предпринимательская динамика встраивается в финансовую динамику, не имеющую реальной основы. Этот разрыв между реальной и финансовой ценностью, между биржевой и прибавочной стоимостью, а также между потребителем и акционером приводит к иллюзии, что накопление ценных бумаг равноценно производству материальных благ. Спекулятивный «пузырь», не перестающий расти, рискует в каждый момент взорваться, приводя к новому биржевому краху.

Такое господство Биржи логически привело к господству т.н. «портфельных инвесторов», т.н. «зинзинов»(3), саккумулировавших в своих руках 10000 млрд. долларов и навязавших всему миру анлосаксонскую модель нового капитализма.

Среди этих «зинзинов», господствующих на биржевой планете, наиболее известны держатели пенсионных фондов, страховых компаний и т.н. «общих инвестиционных фондов» (mutual funds). Эти пенсионные фонды (само выражение является испорченным англицизмом) являются частными пенсионными компаниями, накопительными кассами, созданными фирмами или профсоюзами для того, чтобы обеспечить своих сотрудников после выхода на пенсию. Самыми известными из них являются Calpers, Vanguard, Fidelity. Их целью является инвестирование денег вкладчиков в наиболее прибыльные ценные бумаги. Их активы выросли в период 1950-1997 гг. с 17 млрд. до 5000 млрд. долл! В

настоящее время они так или иначе контролируют свыше 50% акций, обращающихся на американском рынке, в то время как в 1960г. они держали в руках не более 10%.

Эта популярность пенсионных фондов, не перестающих создавать обольстительные миражи, приводит к огромному риску для тех, кто при их посредничестве играет на финансовых рынках, рискуя своими накоплениями. Короче говоря, ущерб от такой игры может сказаться, прежде всего, на трудящихся, которые, отдав свои деньги в руки пенсионных фондов, уже не защищены предприятиями или государством(4). Пенсионные фонды составляют один из главных факторов мировой финансовой нестабильности: перемещения их капиталов ведут к переоценке акций в то время как их реальный вклад в мировую экономику равен нулю. Их дестабилизирующее влияние (особенно на растущие рынки) в полной мере выявилась в ходе недавних финансовых кризисов.

Портфельные инвесторы своими угрозами или эффективными решениями изменили лицо капитализма. Резко увеличился их вес и средства давления, которыми они располагают, в то время как поле для маневра государств существенно сузилось. Они повсюду навязывают свой стиль, свои цели и требования. Они обеспечили приоритет менеджменту предприятий с помощью выдачи заработной платы доходами от акций и биржевых опционов (возможности продать акции по выгодной цене), и тем самым стимулируют его к извлечению наибольших прибылей. С помощью слияний, перекрестного участия, взятия Биржи под контроль они создали новый класс предпринимателей, извлекающих прибыли из колебания курса ценных бумаг. Установив чрезмерную норму прибыли в 15%, они сумели убедить в своей правоте других предпринимателей или парализовать их.

В этом аспекте крайне примечательно проникновение на французский биржевой рынок иностранных инвесторов, в первую очередь англосаксонских пенсионных фондов. Франция в этой области побилла все мировые рекорды. Доля иностранных инвесторов на ее рынке ценных бумаг составляет 40% в то время как в Англии – 16%, в Германии – 10%, в США – 7%. В 1998 г. рост инвестиций нерезидентов составил 70 млрд. франков против 6 млрд. у резидентов! Важно отметить, что в 1993 г. по решению тогдашнего министра финансов Николя Саркози все иностранные портфельные инвесторы были освобождены от налога на прибыль. Вполне логично, что финансовые средства, которыми располагают иностранные «зинзины», позволяют им постепенно скупать ценные бумаги французских акционерных обществ. Крах компании «Алкатель» в 2000г., начавшийся из-за желания американского пенсионного фонда, сосредоточившего у себя более половины его акций, избавиться от них, подтверждает опасность такой ситуации для французской экономики(5).

«Благодаря такому перекоосу, — отмечает **Лоран Жоффрен**, — либеральная модель распространяется с бравурным маршем с помощью одного только управления финансовыми потоками. Озабоченные тем, чтобы создавать для своих акционеров гомерические прибыли, они приносят в жертву этим прибылям трудящихся (тех, кто сидит на зарплате, salariat). Стагнация в росте французских зарплат должна заполнить карманы пенсионеров по ту сторону Атлантики».

Капитализм «рейнской модели», описанный **Мишелем Альбером**(6), постоянно теряет

почву, уступая месту финансовому капитализму, подрывающему собственные основы. Этот «рейнский» капитализм «основанный на системе банков и промышленных конгломератов еще был озабочен минимумом общественного благосостояния, но финансовые трудности, испытывавшиеся в течение последних десяти лет Германией и Японией, вызвали к жизни идею того, что англосаксонская модель должна победить повсюду. Конвергенция экономических моделей вообще есть главный лозунг «новой экономики»». Сейчас к национальным государствам применяются те же критерии, что и к частным фирмам, чтобы повысить их конкурентоспособность.

В действительности американский пример служит референтной базой той самой «новой экономики», которая призывает к конвергенции экономических моделей. Такая конвергенция, разумеется, не учитывает культурные, социальные или институциональные особенности каждой страны, рассматривая их как абстракции, а всякую проблему, исходящую из локального положения дел, объявляет «задержкой в развитии». Такая «задержка» является, понятное дело, задержкой по сравнению с Соединенными Штатами, «молодой страной, лишенной всех предшествующих общественных форм и являющейся землей торговцев по преимуществу». Эти слова принадлежат **Роберу Бойеру**, который добавляет: «Все общества сравниваются именно с американским обществом, являющимся эмблематичной фигурой капитализма, и если сравнения не в их пользу, то они объявляются архаическими или развивающимися»(7). Другими словами, теряется из виду, что именно американская система является исключением по отношению к культурному разнообразию прочих.

Первым требованием портфельных инвесторов, очевидно, является дерегламентация. Известно, что в либеральный символ веры входит убеждение в самооправдании (саморегуляции) рынка, позволяющего ему достигать оптимальных условий при условии отсутствия всякого вмешательства. Данное обстоятельство не мешает сторонникам рынка обращаться к интервенционизму каждый раз, когда это сулит им дополнительные выгоды. Дереегламентация состоит в том, чтобы подавить все, что способно внести сбой в работу «рыночных механизмов» и приписать все негативные результаты этой работы не самому рынку, а «человеческой злобе» (негибкости зарплат, задолженности государственной администрации, «культурной отсталости» и т.д.).

Дерегламентация, являясь главной составляющей либеральной концепции экономики, не переставала распространяться по миру, начиная с восьмидесятых годов из Англии и США. Критическая точка была пройдена в 1986г., когда Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер убедили своих партнеров по G7 принять принцип финансовой дерегламентации. Государства приняли этот принцип потому, что дерегламентация позволила им обращать свои долговые обязательства в ценные бумаги, которые можно продать на рынке. Вслед за этим накатилась широкая волна «ликвидации финансовых посредников», результатом чего стало обретение предприятиями самостоятельно финансироваться на рынках ценных бумаг, минуя банки, бывшие до этого их главными посредниками. В свое время банки играли роль промежуточного звена или «экрана» между предприятиями и держателями денежных сумм, способствуя разделению поровну их рисков и принимая на себя часть конъюнктурных ударов, порождающих разрыв между накоплениями и инвестициями. Исчезновение такого экрана привело к тому, что индивидуальный накопитель, помещая

свои деньги на финансовый рынок, отныне делает это на свой страх и риск. Появились и новые финансовые инструменты, такие как фьючерсные сделки.

Такая либерализация финансовых рынков стала одним из главных моторов мондиализации. Так же как дерегламентация и приватизация, она является частью одной и той же тенденции: превращения банковской ликвидности в ликвидность чисто финансовую. Финансовые инструменты (ценные бумаги) продолжают повышать свою ликвидность, что позволяет использовать их в качестве инструментов монетаристского регулирования(9).

Под предлогом дерегуляции и повышения эффективности новый капитализм проповедует тотальную свободу маневра, вещая о том, что любое ограничение этой свободы снижает эффективность системы. Сейчас рынок свободен от всех правил кроме правила стремиться к получению наивысшей прибыли.

Результат этого процесса налицо: в то время как в современной Европе крупная скупка акций на бирже представляет собой редчайшее явление, слияния крупных компаний, начиная с 1998-1999 гг. достигли невероятных масштабов(10). Конечно, в 1885-1913 гг. наблюдалась концентрация предприятий, однако далеко не в таких размерах. Кроме того, в течение предшествующего столетия слияния служили наступательной цели – завоеванию новых сегментов рынка, в то время как сейчас они все больше служат оборонительным целям. Еще одной характерной чертой этих слияний является то, что они все чаще происходят «на бумаге» для увеличения обменного курса ценных бумаг и, следовательно, прибыли акционеров. Подобные операции лишь увеличивают размеры финансового «пузыря».

В этих операциях задействованы колоссальные суммы. Так сумма сделки по покупке британской компанией Vodafone немецкой компании Mannesman составила 148 млрд. долл. (почти равняется бюджету Франции!). В 1998 г. Exxon поглотила Mobil за 86 млрд. долл., Traveller's Group City Corp за 73,6 млрд. долл., Bell Atlantic GTE за 71,3 млрд. долл., AT&T Media One за 68 млрд. долл., Total Fina Elf Aquitaine за 58,8 млрд. долл. В январе 2000г. покупка компанией AOL (занимает первое место в мире по созданию Интернет-серверов) компании Time Warner (номер один в мире по коммуникациям) привела к образованию группы стоимостью 300 млрд. долл. В мировом масштабе эти операции по концентрации и слиянию вызвали за год рост финансовых сделок на 3160 млрд. долл. Что же касается суммы увеличения сделок за последнее десятилетие, то она составляет 20000 млрд. долл., т.е. в 2,5 раза превышает ВВП США!

Принцип конкуренции, начав с содействия разнообразию и качеству, дошел до создания огромных картелей и монополий, чье могущество превышает могущество государств. В настоящее время 200 наиболее значительных транснациональных компаний (91 из них имеет штаб-квартиру в США) ежегодно совершают сделки на сумму 7000 млрд. долл., что превышает рост ВВП 150 развивающихся стран. В большинстве секторов (в частности, в секторах культуры и коммуникаций) это приводит к гомогенизации предложения (каждая фирма стремится сделать лучше, но лучше то же самое) и к «обратному выбору», т.е. выбор решений оптимален для акционеров фирмы и плох для потребителя(11).

Ясно, что подлинная роль «зинзинов» состоит в том, чтобы реструктурировать мировой капитализм. **Доминик Пильон** уточняет: «Покупая и продавая акции предприятий, пенсионные фонды заставляют циркулировать капитал и создают новую конфигурацию, в рамках которой происходит переход производственного капитала под контроль инвесторов и создание прослойки рантье в среде класса наемных работников»(12).

Происходит переход от торговли сырьем к торговле промышленной продукцией, затем от торговли промышленной продукцией к торговле вторичными финансовыми продуктами. Подобный переход сопровождается верой в длительный период устойчивого роста, который могут обеспечить «новые технологии»: медиа, Интернет, мобильная телефония и т.д. Так же как развитие капитализма на первом этапе подстегивалось появлением паровых машин и железных дорог, капитализм третьей стадии обязан своему успеху взрывным ростом коммуникационных технологий. Данные технологии, являясь попыткой, хоть и незрелой, заменить человеческий мозг, характеризуются непрерывной передачей нематериальных данных на любые расстояния и позволяют создавать все новые и новые сети. Символом этого является то, что французская телекомпания Canal Plus обладает сегодня большей капитализацией, чем Renault, Peugeot и Michelin вместе взятые.

Сеть Интернет, запущенная Пентагоном на коммерческий рынок в конце восьмидесятых годов, получила потрясающее развитие. Количество его пользователей уже перевалило за полмиллиарда (10 миллионов в одной Франции). Электронная коммерция (trading on line, реклама, прямой выход к биржевым торгам) уже оперирует суммой в 80 млрд. долларов в год. Выход на биржевые торги Интернет-филиала France Telecom в марте 2000 г. позволил этой компании заработать за один день 295 млрд. франков, случай невиданный в истории парижской торговли. Капитализация France Telecom достигла 1470 млрд. франков, что равно годовому бюджету Франции. В тот же день, когда фирма-производитель карманных компьютеров Palm Pilot выпустила на биржу свои акции, их стоимость выросла до 53 млрд. долларов, что превышает капитализацию первого производителя автомобилей в мире – General Motors. **Игнасио Рамон** отмечает, что «инвестор, вложивший в день выхода акций первых операторов Интернета (AOL, Yahoo, Amazon, eBay) тысячу долларов в эти ценные бумаги, получил в апреле 1999г. миллион долларов»(13)!

Биржевая валоризация ценных бумаг Интернета напоминает волну безумия, о чем свидетельствует размножение т.н. start up. Здесь мы снова имеем дело с утверждением виртуальной экономики. «Акционерные общества, никогда не имевшие прибыли и даже никогда не надеявшиеся ее получить, оперировали цифрами дохода, сравнимыми с цифрами за века успешной деятельности»(14). Крушение иллюзий должно было наступить непременно. В марте 2000 г. на Нью-Йоркской бирже за один день превратились в дым 700 млрд. долларов (сумма, превышающая в два раза внешний долг африканских стран). Через пару недель в результате обрушения Nasdaq (электронного рынка, на котором котировались ценные бумаги высоких технологий) обернулось потерей еще 800 млрд. долларов.

Интернет не только придает всякой деятельности, в какой бы точке мира она не велась транснациональный характер, но и имеет символическую ценность. Одной из характерных

черт нового капитализма является упразднение пространства и времени. Деньги пересекают планету из одного края на другой за «нулевое время». Такая мобильность контрастирует с тяжеловесностью и неповоротливостью государственных бюрократий. Она подчеркивает бессилие и устарелость последних, что проявляется на всех уровнях: субподрядчиков и плательщиков по платежному поручению; стран и ТНК; финансовых рынков и предприятий. Мобильность стремится стать абсолютной нормой. Требования рентабельности диктуют необходимость перемещения людей и деллокализации предприятий. Жак Дион пишет: «Они хотят поставить технологии XXI века на службу идеологии XIX века»(15). Капитализм становится кочевническим как никогда ранее.

Капитализм первой стадии был диким капитализмом, но он включал в себя элемент саморегуляции в форме буржуазной морали и ее ключевых ценностей (семья, родовое наследие, бережливость, благотворительность). Этот элемент безопасности усилился во втором капитализме благодаря фордистскому компромиссу и Государству-Провидению. Патерналистская деятельность здесь проходила с помощью регламентирующих мер, налогового законодательства, трудового законодательства, часто достигаемого в ходе упорной борьбы, культурных традиций. Эти два капитализма основывались на системе иерархии, внутри которой еще было место для реформ и сомнений. **Бернар Перре** пишет по этому поводу: «Иерархическая организация парадоксальным образом давала возможность для выработки демократических решений и консолидации не-рыночных законов. Одним словом: именно потому, что доминация денег здесь проявлялась в эксплицитной манере как отношения господства между людьми, фордистское предприятие было сценой борьбы за социальную демократию»(16).

Все это было разрушено капитализмом третьей стадии. С самого начала он проявлял неумеренные аппетиты и стремился разрушить всю систему социальной безопасности. Его базовая идея заключается в том, что в мире, где конкуренция является основой взаимоотношений между институтами и организациями, социальное не должно мешать свободной игре рынка. С тех пор как был запущен процесс дерегламентации наемные работники стали свидетелями постепенного исчезновения социальных гарантий и прав, завоеванных ими в профсоюзных боях. Причем происходило это как при правых, так и при левых правительствах. Параллельно этому информационный характер нового капитализма (стремление производить как можно больше товаров и услуг, задействуя при этом как можно меньшее количество людей) привел к тому, что экономический рост стал «богатым на безработицу» (**Ален Лебод**), а гибкость выразилась в потере статуса и ценности наемного труда, в нарастающей неустойчивости и отчуждении.

Безработица из конъюнктурной стала структурной. С одной стороны, мы присутствуем при упадке сельскохозяйственных и промышленных профессий, к которому добавляются бюджетные ограничения, препятствующие созданию новых рабочих мест в общественном секторе и ограничивающее его в секторе частном. С другой стороны, большие промышленные предприятия не стремятся к созданию новых рабочих мест, но, напротив, ищут пути их сокращения с целью увеличения доходности.

Растущее влияние пенсионных фондов сказалось и на управлении предприятиями. «Они принимают во внимание лишь увеличение доходности собственных фондов и прибылей

акционеров. Приоритетной целью является не рост промышленности как в фордистскую эпоху, но максимально эффективное получение прибылей. Поэтому необходимо закрытие тех производственных мощностей, которые недостаточно рентабельны, а точнее не отвечают завышенным нормам доходности, устанавливаемым акционерами. При этом новом режиме сокращение предприятий и рабочих мест становятся инструментами регулирования»(17).

Ранее предприятие, приносившее больше прибыли, расширялось. В этом состояло общественное оправдание прибыли: чем больше прибыли приносили предприятия, тем меньше безработицы было в стране. Сейчас мы сталкиваемся с обратной ситуацией. Акционерное общество Michelin объявляет об увеличении своей прибыли на 22% и тут же сокращает количество персонала на 7500 человек. Правительство **Лионеля Жоспена** в 1997г. утверждает закрытие завода Renault в Вильворде, а американские инвестиционные фонды, контролирующие значительный пакет акций этой компании, рукоплещут этому решению и объявляют о повышении доходности на 5%. Безработица также становится фактором прибыли, по крайней мере в краткосрочной перспективе, т.к. в долгосрочной она ведет к снижению потребления. Рост же рабочих мест осуществляется за счет краткосрочных и сезонных работ. Иными словами: чем хуже для общества, тем больше прибыли.

Либеральные экономисты были убеждены в том, что рыночное общество — наилучшее из тех, которые можно представить. Надо только стимулировать стремление к труду и снижать нетрудовые доходы, т.е. социальные гарантии и выплаты, осуществляемые государством. С одной стороны создается структурная безработица, с другой все меньше и меньше делается для безработных.

Отчуждение, являющееся результатом этого процесса, фундаментально отличается от того отчуждения, которое испытывали трудящиеся при первом капитализме, стремившемся исключительно к эксплуатации их рабочей силы. Появление сетевого мира сопровождается новыми формами отчуждения, вытекающими из различия способностей, но также мобильности и способности к адаптации. Неквалифицированные работники, лишенные необходимых навыков в секторах наиболее интенсивной экспансии капитала (абстрактного мышления и технической компетентности) все более и более становятся не просто безработными, а бесполезными. "В топике сети, — пишут **Болтянский** и **Шапелло**, — понятие "общего блага" становится все более неопределенным, т.к. достаточной неопределенной является сама принадлежность или непринадлежность к сети. Таким образом, непонятно, для кого это благо является общим, и между кем устанавливается справедливый баланс"(18). В сетевом мире социальная справедливость лишена смысла. Те, кто проходят сквозь отверстия сети, определенно исключаются из нее. Бернар Перре справедливо отметил, что избирательное и волатильное общество "основано на ускользании от того, что ему не соответствует, и потому является генератором отчуждения".

Для того, чтобы замаскировать этот сдвиг, сторонники "новой экономики" говорят о том, что наивысшей целью является создание прибыли для акционера (share holder value). **Жак Жюльяр** отмечает: "Долгое время идентификация между дирекцией предприятия и самим

капиталом была тотальной. Во французской классической системе фигура генерального директора, бывшего одновременно председателем административного совета и директором предприятия, олицетворяла эту идентификацию акционера и патрона. В настоящее время автономизация капитала, являющаяся результатом увеличения веса пенсионных фондов, делает последнего высшим контролером рентабельности предприятия"(19).

В результате акционеры становятся все более важным элементом системы. Отныне именно они, а не патронат, распоряжаются хозяйственной активностью и иницируют слияния и увольнения для увеличения своих прибылей. Это хорошо видно во Франции, где именно акционеры были арбитрами при биржевой схватке БНП, "Париба" и "Сосьете женераль", в то время как министерство финансов ограничивалось позицией простого наблюдателя. Статус акционеров в настоящее время позиционируется как чудо как либералами, так и сторонниками "народного капитализма", всерьез считающими, что прослойка акционеров является воплощением старой мечты об обобществлении предприятий трудящимися(20).

Наемные работники-акционеры находятся в почти шизофренической ситуации "двойной связи". С одной стороны, как наемные работники, они заинтересованы в освобождении от "жесткой дисциплины капитализма", они должны протестовать против слишком рискованных практик извлечения прибыли. В то же время, будучи акционерами, они заинтересованы в усилении подобных практик. С другой стороны, их интересы как наемных работников противоположны их интересам как акционеров потому что в качестве держателей акций они заинтересованы в сворачивании социальной политики, а в качестве наемных работников заинтересованы в ее расширении. Доминик Пильон констатирует: "Эти зарплате-рантье теряют дважды. Как зарплате (наемные работники) они несут на своих плечах всю тяжесть последствий политики "гибкости", заключающейся в стремлении увеличить прибыли любой ценой. Как рантье они принимают на себя первый удар потерь от нестабильности финансовых рынков"(21). Основная часть капитала остается сконцентрированной в руках очень ограниченного количества людей. Наемные работники-акционеры, в отсутствие четкой фиксации их реальных полномочий на предприятиях, превращаются в простую добавку к наследственному семейному капиталу олигархов.

Замещение старого "зарплатного" капитализма капитализмом нового типа, в котором основную роль играет распределение доходов от акций, лишь усиливает неравенство. Система опционов, которую практикуют акционерные общества с высокими темпами роста для того, чтобы вознаградить своих руководителей, способствует колоссальному обогащению последних. Капитал всегда вознаграждает себя больше и лучше, чем труд. Тот факт, что рост биржевых котировок превышает реальный рост производства, означает лишь, что часть произведенной стоимости, не включенная в эти котировки (в частности, зарплаты) уменьшается.

Постепенно трансформируется весь облик общества. Если раньше часть дивидендов, получаемых выигравшими, доставалась и проигравшим, находящимся внизу социальной пирамиды, то теперь положение изменилось. Расширение безработицы означает конец

эпохи, когда те, кто входил в состав среднего класса получал уверенность в том, что ни они, ни их потомки более не упадут в пролетарскую среду. Несмотря на то, что либералы непрерывно талдычат о том, что рынок — это "игра, в которой выигрывают все" (**Ален Мадлен**), в жизни все более внедряется "общество, построенное на песке": богатые все больше богатеют, бедные становятся все более незащищенными и исключенными из общественной жизни, среднему классу все труднее удержаться посередине.

В то время как мир в целом становится все богаче, а денежные массы, циркулирующие на финансовых рынках, не перестают расти день ото дня, разрыв между прибылями и заработными платами не престаёт расти как между различными странами, так и в рамках одной страны. Например, на американских предприятиях мультипликативная разница между самой низкой и самой высокой зарплатой за последние 30 лет выросла с 20 до 419! Состояние трех самых богатых людей мира превышает годовое увеличение ВВП в 48 наиболее бедных странах, где проживают 700 млн. человек. Повсюду расширяется пропасть между финансовыми элитами и массой неквалифицированных, сезонных и низкооплачиваемых тружеников, безработных и молодежи. В этом тоже состоит новизна современной эпохи.

В то же время происходит утверждение продвинутой элиты, эгоистичного и волатильного "гиперкласса" (**Жак Аттали**), которая состоит уже не из предпринимателей и капиталистов старого стиля, а из эгоистичных индивидов, держателей "кочевого" капитала. Эти люди обладают знанием и контролируют большие коммуникационные сети, т.е. совокупность инструментов производства и распределения культурных благ, но, тем не менее не имеют ни малейшего желания участвовать в общественных делах, которые они знают лучше, чем кто-либо.

Лоран Жоффрен пишет: "Не подлежит сомнению, что необуржуазия господствует отныне во французском обществе, так же как и в других демократических обществах. Этот новый класс отличается не только размерами своего состояния и привилегированным местом в обществе, но и своей мобильностью. Мобильностью географической, интеллектуальной, технологической. Сконцентрированные в подвижных профессиях (коммуникации, технологии, финансы) он держит в своих руках власть не столько материальную, сколько символическую, основанную на способности влиять на общественное мнение. Он является частью мира стремительности, адаптации, конкуренции. Он формирует новое человечество: не связанное договорными обязательствами, подвижное, циничное, космополитическое, отличающееся высокой и разнообразной покупательной способностью. Нет ничего более чуждого ему, чем границы, статусы, гарантии и запреты, то, что полагало непреодолимым прежнее человечество. Избавленные от превратностей общества, подверженные открытости и аномии, защищенные своими охранными агентствами и опционами, представители этого класса покидают свои народы и рассматривают всякую попытку народных масс отстоять прежние гарантии как популизм"(22).

Социал-демократы в противоположность либералам, проповедующим "саморегулирующийся" рынок, верят в то, что могут управлять новым капитализмом или держать его в узде(23). Но способны ли они еще на это? Социалисты давно уже отказались

от обобществления средств производства (24). Правительство Лионеля Жоспена противостояло покупке "Оранжевой" "Кока-Колы", но не смогло предотвратить ни увольнений в компании Michelin, ни закрытия завода Renault в Вильворде. Исправительные и распределительные попытки социал-демократов, фактически левых либералов, найти компромисс между требованиями общественной жизни и демократии с одной стороны, и гегемонией рынка и императивами мондиализации с другой, не ведут ни к чему. В той мере, в какой они коррелируют уровень благосостояния с одним только финансовым богатством, игнорируя другие параметры общественной жизни, они способствуют индивидуализации и монетаризации общества(25).

Правда состоит в том, что государство все меньше вмешивается в экономическую жизнь, чему не перестают рукоплескать либералы.

Старый капитализм был еще привязан к нации в той мере, в какой прибыли предприятий зарабатывались и тратились внутри государства, способствуя в какой-то мере умножению его могущества. Сегодня, когда дивиденды изыскиваются за пределами своих государств, капитал фактически избавился от национальной принадлежности. Финансовая мондиализация переместила реальное экономическое могущество с национального на планетарный уровень, с уровня предприятий на уровень ТНК, из общественной сферы в сферу частных интересов. Государства, становясь жертвами интернационализации рынков и роста их финансового могущества, не способны быть инструментами сколько-нибудь действенной экономической политики в долгосрочной перспективе. Подвижность международных инвестиций, постоянно перемещающихся в поиске наилучшей выгоды, сковывает возможности государственного регулирования, особенно в социальной и фискальной сферах. Любое регулирование, которое не укладывается в интересы капитала, немедленно сводится на нет децентрализацией предприятий, утечкой кадров и бегством капиталов. Более половины европейских решений, оказывающих влияние на внутреннее производство, имеет неправительственную природу. Во Франции доля обязательных расходов государства (обслуживание долга, зарплаты, траты на общественные нужды) уменьшилась с 43% в 1990г. до 12% в 1998г.

Вольфганг Рейнике хорошо проанализировал эту пропасть между национальными государствами, продолжающими черпать свою легитимность из границ, не останавливающих более никого, и транснациональными компаниями, не знающими никаких территориальных ограничений(26). Накопление богатств, в т.ч. финансовых, происходит уже поверх государственного уровня, в то же время обмены организуются так, чтобы избежать налогового прессинга.

Мнение о том, что экспансия капитала может быть направлена в нужное русло с помощью какого-то обновленного кейнсианства, является ошибкой. Государство не только становится все более и более бессильным, но и не представляет уже общего интереса в противоположность к интересам частным. С какой-то точки зрения, оно само поставлено на службу рынку. Нобелевский лауреат в области экономики 1998г. индиец **Амартья Сен** пишет: «Своими успехами капитализм обязан государству в той же степени, что и рынку». Удивительно видеть некоторых левых, забывающих о роли буржуазного государства в продвижении рынка, в то время как еще несколько лет назад они неустанно говорили нам

о классовой природе этого государства.

Болтянский и Шапелло интересуются в своей книге уменьшением роли и значения антикапиталистической критики. При этом они различают «артистическую» критику и критику социальную. Первая характеризуется антикапиталистическим романтизмом и либертарианским задором мая 1968г. Она обвиняет капитализм в неаутентичности и всеобщем внедрении рыночной психологии и рыночных ценностей. Такая критика притязает на автономию и креативность. Вторая сетует более на эгоизм капитала и эксплуатацию бедных. Будучи инструментом классических левых и ультралевых, начиная с 19в., она ограничивается обвинениями в несправедливости и предложениями увеличения зарплат и социальных гарантий в качестве панацеи. Обе эти критики, которые дополняют друг друга, но не смешиваются (ведь они наблюдают разные формы отчуждения), находятся сейчас в упадке. Внедрение ценностей мая 1968г. (креативности, уживаемости, сексуальной свободы) в динамику нового капитализма, в результате симбиоза, обезоружило «артистическую» критику. Что же до критики социальной, то она обязана своему упадку не только крахом альтернативных теорий и систем, но и растущей индивидуализации и деинституциализации, которые делают бесполезными политические партии и профсоюзы.

Несомненно, что один из источников долговечности капитализма состоит в его способности подпитываться своими же собственными критиками. Он разворачивается в новых формах, не забывая о своей главной цели – накоплении капитала.

Ошибка традиционной социальной критики, ярчайшим представителем которой является **Пьер Бурдьё**, состоит в том, что ее концепция «господства» остается архаичной. Эта критика не учитывает в полной мере «перемещений» капиталистической логики, осуществляемых с помощью делегализации, замены ручного труда машинным, распада традиционного рабочего класса, роста количества акционеров. Она не может вскрыть формы отчуждения, характерные для мира сетей.

Противоречия между трудом и капиталом не исчезли, но прекратили играть центральную роль, с точки зрения рациональности системы. Экспансия рынков не только осуществляет эксплуатацию рабочей силы, но и производит ряд фундаментальных разрывов как в политике, так и в разнообразных формах общественного обмена. Монетаризация общественных связей трансформирует и обедняет социальные отношения, а общественные институты все более морально устаревают.

Новизна момента состоит и в том, что мир труда отказался от уничтожения капитализма, ограничиваясь требованиями улучшить или реформировать этот строй. Стремятся лучше распределить прибыль, но при этом больше не обсуждают пути ее получения. **Жак Жюльяр** справедливо назвал это «интериоризацией капиталистической логики трудящимися». Смысловой горизонт, делавший возможным попытку в корне изменить ситуацию, исчез. Весь мир склоняется к этому, поскольку никто не верит в возможность альтернативы. Капитализм выживает как несовершенная, но единственно возможная, на взгляд большинства, система. Такое чувство, что мы не можем из него выйти. Отныне социальная жизнь разворачивается под знаком фатальности. И живучесть капитализма

объясняется тем, что мы воспринимаем его как нечто фатальное.

Отсюда исходят медленное завоевание умов рыночными ценностями и колонизация рынком всех сфер социальной жизни, усиливающие друг друга. Эта всеобъемлющая рыночная экспансия в человеческую жизнь означает, что ценности рынка внедряются такие области, которые прежде оставались для них недоступны. Информация, культура, искусство, спорт, общественные отношения в целом отныне подчинились рыночной логике. Ей же подчиняется и «право на профанацию», распространяемое рынком. Жак Робен отмечает: «Если часть какого-то сектора обслуживается рынком, то весь он вскоре начинает тяготеть к приватизации. Рынок втягивает в себя любую деятельность, затрагивающую образование, здоровье, технологии, спорт, искусство, человеческие отношения в целом»(27).

Последствия хорошо известны. В результате приватизации транспорта он стал менее надежным и увеличилось количество катастроф. Торговля семенами генетически модифицированных продуктов привела к тому, что мы уже не знаем реальных последствий этих продуктов для своего здоровья. Питание ухудшается, т.к. в погоне за конкурентоспособностью снижается качество продуктов. Поиск эффективности заставляет сокращать количество торговых точек, учреждений, общественных служб, а это приводит к тому, что жизнь становится менее комфортной. Рентабельность понимается в чисто рыночном смысле без учета долгосрочных эффектов и убытков, неисчисляемых в финансовом эквиваленте.

Теоретик «конца истории» **Фрэнсис Фукуяма** может поздравит себя с тем, что «ВТО является единственным международным институтом, способным стать органом мирового правительства»(28). **Рене Пассе** заключает: «Последние маски сброшены, и мы отчетливо видим мир, который навязывается нам деловым универсумом: мир, полностью подчиненный цели умножения финансового капитала, планета, обвитая присосками гидры интересов. Эта гидра навязывает государствам свой закон и требует у них отчета об убытках и прибылях. Она покрывает свои убытки, забирая средства у социальной защиты, охраны окружающей среды, культуры и национальной идентичности. Бабло стало государем, утвердившимся на престоле, а люди его подданными»(29).

После отклонения 20 века, после поражения фашизма и коммунизма, капитализм восстановил чрезмерные амбиции, свойственные ему изначально. С какой-то точки зрения, капитализм третьей стадии имеет гораздо больше общего с доиндустриальной торговой экономикой XVIII в., чем с экономикой мануфактур XIX в. Показательны в этой связи откровения ультралиберала **Давида Боаса**, вице-президента Института Катона в Вашингтоне, согласно которому 20 век был всего лишь этаким статистским (государственническим) отклонением в истории свободного обмена. «Либерализм, — заявляет он, — привел вначале к промышленной революции, а затем к появлению современной новой экономики. Я думаю, что глобализация является не чем-то принципиально новым, но продолжением промышленной революции. В каком-то смысле мы вернулись к ситуации начала XVIII века, к ситуации появления либерализма и начала промышленной революции». Он продолжает: «Идеал либералов не изменился на протяжении двух столетий. Мы хотим увидеть мир, в котором мужчины и женщины

действуют в своих собственных интересах, т.к. делая это, они содействуют благосостоянию остальной части общества»(30). Иными словами: чем больше утверждается индивидуальный эгоизм, тем лучше становится мир.

Капитализм с самого начала был бесчеловечным, но наша эпоха добавила этой бесчеловечности новые черты. Можно ли из этого заключить, что его господство необратимо? Часто говорилось о том, что капитализм питается своими кризисами. Из этого не следует, что он всегда сможет преодолевать противоречия. Если он постоянно создает новые нужды, программирует моральное устаревание своей продукции и вызывает к жизни новые гаджеты, то можно предположить, что это когда-нибудь закончится. Тогда для функционирования ему понадобится не избыток, а относительный дефицит материальных благ. Другой парадокс состоит в том, что конкуренция в рамках капиталистической системы поддерживалась различием между странами, в то время как глобализация заставляет эти различия исчезнуть. Спекулятивный «пузырь» также не сможет надуваться до бесконечности. Денежной системе суждено погибнуть из-за денег.

Идея капиталистической системы, способной к регенерации, подразумевает эндогенное накопление капитала. Однако капитал не является эндогенным, своим накоплением он обязан пространственной экспансии. Такая экспансия неизбежно должна найти свой предел, хотя бы планетарный.

Сейчас весь мир живет в кредит. Совокупный долг человечества (долги предприятий, государств и домохозяйств) исчисляется астрономической суммой в 33100 млрд. долларов, что в три раза превышает ВВП нашей планеты! «В какой-то мере, — отмечает **Анри Гуайно**, — трансформация промышленного капитализма в капитализм финансовый доказывает правоту **Маркса**: капитал сам подпиливает сук, на котором он сидит»(32). **Серж Латуш** очень удачно охарактеризовал современную систему как «машину, мчащуюся на бешеной скорости без заднего хода, без тормозов и без водителя». Весь мир танцует на вулкане.

- 1.Luc Boltianski et Eva Chiapello. Le nouvel esprit du capitalisme, Gallimard, 1999
- 2.Edward N.Luttwak. Le turbo-capitalisme, Odile Jacob, 1999
- 3.Eric Israelewicz. Le capitalisme de zinzins, Grasset, 1999
- 4.Michel Husson. Jouer sa retraite en Bourse? In Monde diplomatique, 02/1999 Дискуссия о роли пенсионных фондов неотделима от дебатов о капитализации (в противоположность распределению) при определении пенсий. Параллельно она затрагивает тему зависимости пенсий от размеров активов фондов. На эту тему см. Rene Passet. La grande mystification des fondes de pension, Le Monde diplomatique, 03.1997
- 5.Аргумент, согласно которому создание собственных пенсионных фондов французских предприятий, играющих ценными бумагами на биржах, предотвратит их попадание в руки зарубежных инвесторов и одновременно увеличит количество акционеров-французов, сталкиваясь с одним простым препятствием: предприятия не получают «живые деньги» от бирж.
- 6.Michel Albert. Capitalisme contre capitalisme, Seuil, 1991
- 7.Robert Boyer. L'internationalisation approfondit les specifites de chaque economie, in Le

Monde, 29.02.2000, p.19

8. В этой связи вспоминается, как предприятия прибегали к помощи государства в ходе азиатского финансового кризиса.

9. Andre Orlean. *Le pouvoir de la finance*, Odile Jacob, 1999

10. Вспомним слияния или поглощения Traveller's Group и City Corp., American Home и Warner Lambert, Sanofi и Synthelabo, Total и Petrofina, BNP и Paribas, Hoechst и Rhone-Poulenc, Renault и Nissan, Alcan и Pechiney, Carrefour и Promodes, Totalfina и BFAquitaine и т.д.. Концентрация затрагивает и банковский сектор, что видно на примере слияния Paribas и Societe General или покупки британским банком HSBC французского CCF. Все это привело к брутальному исчезновению таких известных во Франции бизнес-групп как Paribas, Aerospatial, Seita, Rhone-Poulenc и т.д.

11. Мы говорим об «обратном выборе», т.к. нужно различать сиюминутные и долгосрочные выгоды.

12. *Au nom des entreprises?* in *Monde diplomatique*, 03.1999

13. *Nouvelle economie*. in *Monde diplomatique*, 04.2000

14. Yves Le Henaff. *Le temps des tulips*, in *Politis*, 23.04.2000

15. *Les archaismes de la nouvelle economie*, in *Marianne*, 10.04.2000

16. *Contester le capitalisme ou resister a la societe du marche?*, in *Esprit*, 01.2000

17. Dominique Pilhon, *op. cit.*, p.159

18. *op. cit.*, p.4

19. *Le Nouvel Observateur*, 14.10.1999

20. Guy Sorman. *La nouvelle solution liberale*, Fayard, 1998. В своей последней книге Marx a la corbeille. *Quand les actionnaires font la revolution*, (Stock, 1999) другой ультралиберал Филипп Маньер доходит в прославлении могущества акционеров до того, что предлагает ввести новую «капиталистическую демократию», при которой права гражданства будут даваться только владельцам акций. Отныне политические решения будут приниматься не избирателями, а акционерами. Учитывая, что во Франции лишь 12% семей владеют акциями предприятий, это требование означает не что иное как возврат к избирательному цензу.

21. *op. cit.*, p.4

22. *Les deux cents golden boys*, in *Nouvel Observateur*, 13.10.1999

23. Главными теоретиками государственного регулирования (гетерорегулирования) во Франции являются Робер Бойер (*Theorie de la regulation: l'etat de saviors*, Decouverte, 1995) и Робер Альетта (*Regulation et crises du capitalisme*, Odile Jacob, 1987). Помимо таких классических инструментов регулирования как меры бюджетной, монетарной и налоговой политики, они предлагают также использовать такие меры как введение минимальной оплаты труда, регламентация условий труда, учет требований защиты окружающей среды, ведение разумных ограничений в работу банков.

24. Gerard Desportes et Laurent Mauduit. *La gauche imaginaire et le nouveau capitalisme*, Grasset, 1999

25. Bernard Perret. *Les impasses du liberalisme social*, in *Esprit*, 02.1999. Автор отмечает, что «социальный вопрос, с либеральной точки зрения, может быть выражен следующим образом: как свести неравенство на политически приемлемый уровень, отдав на попечение рынка заботу о сохранении богатства и могущества у власть имущих?».

26. Wolfgang H. Reinike. *Global public policy. Governing without government*, Brookings Institution Press, Washington, 1998. См. также Nigel Harris. *The return of the cosmopolitan*

capital. Globalisation, State and War., Tauris, London, 2002 О том, как капитализм и национализм сочетались в прошлом, см. Liah Greenfeld. The spirit of capitalism. Nationalism and economic growth. Harvard University Press, Cambridge, 2002

27. Transversales science/culture, 03-04.2000, p.3

28. La gauche ingrate contre l'OMC, in Le Monde, 08.12.1998

29. Au-dela de l'AMI, in Transversales science/culture, 03-04.1998, p.19

30. Le Monde, 25.01.2000

31. ibid.

32. Les breches s'ouvrent dans la pensee unique, in Marianne, 24.01.2000, p.26